

ПРОБЛЕМАТИКА ПОДРОСТКОВОСТИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ: КЛИНИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

THE ISSUE OF ADOLESCENCE IN PSYCHOANALYSIS: CLINICAL ILLUSTRATION

Мета статті – клінічно проілюструвати несвідомі питання і перетворення, характерні для підлітковості, а також ті знахідки, які здатний винайти сам суб'єкт у відповідь на виклики підлітковості у процесі психоаналізу.

Метод. Клінічна робота з хлопчиком-підлітком 11 років методом психоаналізу в його тлумаченні французькою школою психоаналізу не як певного сеттинга й формату роботи (5 разів на тиждень, з використанням кушетки), а як особливої дискурсивної практики та етичної позиції, що дає змогу слухати й чути суб'єкта несвідомого, з урахуванням особливостей підлітковості. Робота проходила під систематичною супервізією.

Результати. У статті надано докладний аналіз десяти сесій із підлітком, який ілюструє несвідомі процеси, знахідки та перетворення в ключових питаннях суб'єкта: про різницю статей і поколінь, про кастрацію та вцілення, про місце дитини стосовно батьківської пари, про пошук Імені батька і про його повалення. Базуючись на класичних і сучасних концепціях психоаналітичної теорії і практиці роботи з підлітками, автори ілюструють сформульовану раніше етичну позицію психоаналітика в період підлітковості.

Висновки. У коментарях до випадку відзначено, як підліток винаходить свої суб'єктивні відповіді на питання пубертату, звертаючись до «страшних» тем: пошкоджень, злупувань, садизму, залежної поведінки і смерті. Однак автори обфунтовують ідею, що ці теми якнайкраще дають змогу підлітку символізувати жах тілесності та відчай власної й батьківської кастрації в цей період. Звернення до цих тем дає змогу менталізувати, осмислювати, представляти те, що спочатку немислимо, над-тілесно. Психоаналітик, виходячи з етики підтримки винаходів самого суб'єкта, не пропонує інші знахідки, а навпаки, підтримує суб'єкта в зверненні до себе з питанням про те, яке бажання та який інтерес його турбує.

Ключові слова: кастраційний комплекс, психоаналіз, психоаналітична терапія, пубертат, підлітковий вік, Едіпів комплекс, етика психоаналізу.

Purpose of the article was to illustrate clinically the unconscious questions and transformations of adolescence, as well as those findings that the subject himself of herself could invent in response to the challenges of adolescence in the process of psychoanalysis.

Method. Clinical work with an 11-year-old boy by the method of psychoanalysis as it was interpreted by the French school of psychoanalysis: not as a specific setting and format of work (5 times a week, using a couch), but as a special discursive practice and ethical position that allows psychoanalyst to listen and hear the subject of the unconscious, taking into account the peculiarities of adolescence. The work was conducted in the educational institution with systematic supervision.

Results. The article presents a detailed analysis of ten sessions with an adolescent, illustrating unconscious processes, findings and transformations in the key questions of the subject: about sexes and generations, castration and survival, about the child's place in a relation to the parental pair, about the search for the Father's Name and about his fall. Based on the classical and modern concepts of psychoanalytic theory and practice of working with adolescents, the authors illustrate the formulated ethical position of the psychoanalyst.

Conclusions. The commentary on the case notes how the adolescent invents his subjective answers to puberty questions through some "frightening" topics: damage, hacking, sadism, addictive behavior and death. However, the authors substantiate the idea that these topics make it possible for adolescents to symbolize the horror of physicality and the despair of their own and parental castration during this period. Using these topics allows them to mentalize, comprehend, imagine what was initially unthinkable, super-bodily.

Key words: adolescence, castration complex, ethics of psychoanalysis, Oedipus complex, psychoanalysis, psychoanalytic therapy, puberty.

УДК 159.964

DOI <https://doi.org/10.32843/2663-5208.2020.13-2.4>

Великодняя М.С.

к.психол.н., старший преподаватель кафедры практической психологии Криворожский государственный педагогический университет клинический психолог, сертифицированный специалист-психоаналитик

Украинская ассоциация психоанализа Европейской конфедерации психоаналитических психотерапий

Эделева Е.И.

клинический психолог, консультант психоаналитической ориентации, член Украинская ассоциация психоанализа Европейской конфедерации психоаналитических психотерапий

Работа с подростковой проблематикой сложна в связи с рядом факторов, что уже отмечалось нами ранее [29]. Пробуждение влечений во время пубертата, с которыми прежние защитные образования уже не в силах справиться, буквально «затапливают» подростка интенсивными переживаниями, нуждающимися в экстренном изобретении новых средств совладания [4; 9–11; 13–16; 18; 35–37]. Возникшие трудности в психическом функционировании – нарциссический провал, перверсивная и психотическая дина-

мики [5; 30] – побуждают подростков чаще прибегать к отыгрыванию [2; 8; 22], в том числе в виде прерывания анализа [6; 20; 24]. Крушение фаллической логики в различии полов, встреча с женской сексуальностью как с кардинально иной, обнаружение кастрации обоих полов (бесконечного удовлетворения не существует, как и бесконечной эрекции) создаёт трудности в том, чтобы поместить себя, пока воображаемо, в сексуальные отношения, в которых два объекта разного пола нуждаются друг в друге, потому подросток часто

пытается осуществить выбор «невозможного объекта»: алкоголя, наркотика, видео, виртуальности, объекта «ничто», как при анорексии, и т.д. [2; 4; 13; 15; 18]. Попытки подростка вернуть к жизни Первичный Эдипов комплекс и своё детское место в нём [35-37] (в том числе через сохранение своего прежнего детского тела [13; 15; 16; 28]) могут соблазнять и психоаналитика стать «родителем», дающим Эдипово обещание: «Вот вырастешь – и сможешь полно наслаждаться, как взрослые». Однако динамика подростковости требует открытия несостоятельности Эдипова обещания и свержения родителей, а затем их других заместителей, чтобы Эдипальное Сверх-Я прекратило своё существование и Социальное, Культурное Сверх-Я смогло быть сконструировано [13–16]. Иными словами, кастрация некогда мнимо фаллического отца позволяет осуществить переход от Воображаемого отца к отцу Символическому – к принятию всеобщего закона и порядка [7; 9; 11; 18; 33].

Многие психоаналитики указывают на важность модификации психоаналитической техники и на необходимость порой буквально жонглировать различными техниками работы в связи с бурной динамикой изменений в переживаниях подростка от сессии к сессии [1; 5]. Эротический характер матрицы переноса-контрпереноса и затрагивание телесности, осязаемости в работе с подростками также может создавать сложности процессу психоанализа [3]. Дополнительные трудности в клинической работе с подростком могут быть связаны с нехваткой ментализации, остановками в мышлении нетерпимостью к фрустрации, самоповреждающим и суицидальным поведением [24]. Однако ряд психоаналитиков подчёркивает, что не так важна техника психоаналитической работы, как этика, которой она служит [12; 14; 31], куда мы относим: опора на запрос самого подростка, его субъективность в вопросе страдания и желания, уважение к симптому как к ценной попытке разрешить конфликт, сопровождение работы горя по поводу утрат пубертата (прошлого тела, фаллической логики, эдипального места, образа отца и т.д.), придерживание позиции, что знание находится на стороне самого субъекта.

Цель статьи – на примере короткого отрывка из психоаналитической работы одной из авторов данной статьи (Е.И. Эделевой) с подростком проиллюстрировать бессознательные вопросы и преобразования, характерные для этого времени, а также те находки, которые способен изобрести сам субъект в ответ на вызовы подростковости.

Метод. Клиническая работа проходила методом психоанализа в его толковании французской школой психоанализа не как определённого сеттинга и формата

работы (5 раз в неделю, с использованием кушетки), а как особой дискурсивной практики и этической позиции, позволяющей слушать и слышать субъекта бессознательного [12], с учётом особенностей подростковости [4; 13–16; 18; 19; 21]. Это была работа с мальчиком 11 лет, назовём его Д., который в связи со сниженным зрением обучался в школе-интернате для слабовидящих детей. Он обратился к психоаналитику в данном учреждении по собственному желанию в рамках социального проекта от Международного института глубинной психологии (Киев). Всего было проведено 16 сессий с установленной частотой 1 раз в неделю, 10 первых из которых мы хотели бы здесь представить. На протяжении всего периода работы проводились также супервизионные обсуждения этого случая.

Клиническая иллюстрация.

Первую сессию Д. начал со слов «Меня папа бросил» и расплакался. После нескольких сочувственных и проясняющих вопросов оказалось, что отец и мать разошлись, когда мальчику был 1 год, и с тех пор папа действительно не поддерживает общение с сыном. Далее Д. продолжает, что мама часто говорит ему: «Поскольку папа тебя бросил, я сделаю всё для тебя и для того, чтобы у тебя было счастливое будущее». Он много рассказывает, какая мама хорошая, сколько для него делает, заботится, и как он сам маму любит. Здесь мы столкнулись с первым ключевым означающим, транслируемым из семьи, которое затем много раз даст о себе знать в ходе анализа. Означающее «бросил», отсылающее к отцу и гарантирующее любовь и заботу матери. Вероятно, такое начало сессии говорит также о том, что здесь он предлагает себя брошенным и «маме-аналитику», чтобы у неё возникло желание с ним работать. В то же время в этом месте заметно кое-что, что станет более явным в ключе последующих сессий: отношения матери и отца не представлены, мать в репрезентациях субъекта не брошена отцом, эдипальная сцена искажена.

Далее на этой же сессии вводится другое важное означающее – «смелый». Именно ним его гордо нарекали взрослые, когда Д. получал повреждения, падая с велосипеда, падая в воду, падая на роллере. Д. с особым наслаждением рассказывает множество историй повреждений, подтверждающих его «смелость». В тени остаётся предполагаемая связь между тем, кого очень болезненно «бросают», и тем, кто смело падает, получая затем комплименты за смелость и мамину любовь.

Разговор переходит к телепередачам и кинофильмам, которые ему нравятся. Это перечень, в котором нечто всё время испытывается на прочность, а люди находятся на грани жизни и смерти. Д. предлагает неисчис-

лимое количество рассказов о повреждениях дорогих предметов и при этом озвучивает их стоимость, уточняет сколько денег потратили, чтобы снять тот или иной выпуск передачи. Он называет стоимость автомобиля Тесла, других дорогих машин, iPhone X, дорогой техники – именно эти вещи разбиты или повреждены в телепередачах. Из этого ряда становится понятным, на какую связь он пытается указать: то, что падает (брошено, повреждено), является очень ценным.

Далее с темы повреждений он переходит на размышления о том, как от чего можно защититься, тоже в числах. Например, 4 банки Кока-колы нужно, чтобы защититься от пули воздушного ружья, 6 айфонов – для защиты от АК 47. Этот последний поворот в теме, завершающий первую сессию, демонстрирует важное преобразование в вопросе брошенности: нечто отдельное повреждается, но ты сам благодаря этому защищён. Теперь тотальное крушение чего-то целого масштабируется до поломки чего-то небольшого, маловажного по сравнению с жизнью субъекта в целом. Мы видим, что Д. заботит тема того, как что-то разбивается целиком или получает непоправимую трещину, *кастрацию*, но субъект способен выжить, вопреки произошедшему, и считаем это очень ценной находкой мальчика. Помимо этого, во введении идеи о ружьях и автоматах может содержаться также и кастрационная тревога мальчика: кто-то угрожает ему своим фаллосом и способен кастрировать. Но кто же это, если отец Д. ушёл так рано? Или же это сугубо психическая операция по символизации отсутствующего отца, способная стать преградой между влечениями мальчика и его матерью?

Вторая сессия началась тем, что Д. принёс аналитику конфеты, но та вежливо отказалась. Свой рассказ в этот раз он начал с идеи, что хотел бы что-то найти и отдать обратно владельцу. Аналитику пришла в голову идея, что речь о чем-то брошенном, что нужно вернуть тому, кто бросил (то есть себя отцу). С другой стороны, это может быть истолковано и как то, что мальчик хотел бы вернуть другому то, что этому другому и должно принадлежать. Тогда речь о принятии закона и поддержания Имени отца, но, как показывают другие фантазии мальчика, и о свержении этого Имени.

Далее мальчик, будто бы подтверждая неозвученную мысль аналитика о связи данной темы с «бросанием», поделился желанием прыгнуть с парашютом, когда ему будет 16 лет, и снять это на камеру. В связи с этими и последующими наблюдениями мы предположили, что так обнаруживает себя фантазм мальчика – он тот, кого бросают, и мысли, фантазии об этом его захватывают. Теперь в своих фантазиях он не даёт себя бросить Другому, он бросает себя сам. В то же время

эта тема кажется связанной с кастрационной тревогой, которая нарастает в его пубертате. Эта тревога, актуализированная с новой силой, ищет свои пути через смещение на объект (кастрируется все время кто-то другой или что-то другое) и через изобретение защит (парашют, преграды от пуль и т.д.).

Вдруг он начинает пересказывать какой-то фильм о девушке с разрезанным ртом: она изменяла мужу, муж-самурай узнал об этом и начал её бить и порезал рот, а на лицо надел маску. Дух девушки проснулся и спрашивал у прохожих, красивая ли она. Временами Д. затапливает сессии подобными рассказами, которые через несколько предложений становятся непоследовательными и малосвязанными, однако видимым остаётся наслаждение от рассказа чего-то жуткого и от повреждений другого. Возможно, так была осуществлена попытка рассказать о своей вытесненной агрессии к матери, о которой он обычно говорит только идеализированно хорошее. Однако более последовательным нам кажется толкование этого момента в ключе того, что мальчик здесь заговорил о сексуальном, о женском теле, о женском желании и о той дикой страсти, которую оно вызывает у мужчины. Страсти эротической, но с ревностью – вплоть до желания нанести ей увечья. К кому же он может сейчас ревновать свою мать?

Потом он, фактически продолжая тему дикой страсти, говорит о своём желании создать лазер, чтобы что-то поджигать, и о том, что чёрный цвет плохо прожигается. Теперь Д. вспоминает о взрывах зажигалок, а сразу после – о своём сновидении. Оно происходит в различных локациях: «Я – мальчик, а все остальные больше меня раз в 100, 500. Что-то происходит в баскетбольном зале, а моё тело занемело. Дальше я не могу открыть дверную ручку, не дотягиваюсь. Проснулся с онемевшими руками и ногами. Такое снится, когда перенервничаю». Этим переходом в речи с темы страсти ко сну он, вероятно, говорит нам: «я пожелал бы снова быть маленьким и не ощущать всего того возбуждения в теле, какое я ощущаю». Эта галлюцинаторная регрессия подчёркивает, насколько Д. затоплен своими влечениями и как вспыхивает в нем возбуждение, утомляя его самого и вызывая ностальгию о прошлом.

Далее Д. начал рассказывать о конструкторе Лего, который ему купила мама за 500 долларов. В ответ на интерес аналитика по поводу этого конструктора он задумался, а затем сказал: «А ещё у меня есть фобии: клоуны и темнота. Как-то 5 или 6 раз за вечер было замыкание света. Боюсь, что сзади меня кто-то идёт и может меня выключить. Боюсь бывать дома сам... Когда я дома сам, я смотрю телевизор и покачиваюсь».

Мы можем, опираясь на смену тем в течение сессии, предполагать здесь это внутреннее движение мысли мальчика: от темы уцеления от крушения – к очень возбуждающему женскому, которое вызывает дикую страсть и ревность, от чего мальчику становится страшно и тогда он желает, чтобы его «выключили» или его тело стало неподвижным. Ведь неподвижность – это то, что представляет собой эффект символического запрета на инцест. Руководствуясь идеей завершить сессию неким поддерживающим откликом, аналитик говорит: «Наверное, Вам тревожно быть дома самому и Вы себя так успокаиваете». Д. отвечает: «Да. Мне кажется, что под маминной кроватью что-то есть и оно меня схватит». Мы хотели бы подчеркнуть в этом месте важный факт, что психоаналитик всё это время воздерживается от озвучивания своих теоретизирований и интерпретаций, а только поддерживает ход мысли самого анализанта своей заинтересованностью. В то же время заметно, как на первый взгляд «случайные» смены тем Д. по своему содержанию подтверждают аналитические догадки.

На третьей сессии мальчик подробно рассказывало компьютерной игре стрельбу истомости покупок в ней (15 тыс. нож, 60–70 тыс. перчатки). Далее Д. переключился на рассказ о случае, когда у него заглянул телефон из-за вирусного видео. Это создало впечатление, что его волнует вопрос, как обрести фаллос, и разочарование от неудач его обретения. Аналитик отметила: «Я заметила, что Вам важно указывать стоимость предметов. И что Вам нравится смотреть, как разрушаются дорогие вещи. Интересно, почему так? Как Вы относитесь к деньгам?». Он ответил: «Когда у мужчины есть деньги – это не делает его крутым. Он не имеет права указывать другим. Деньги не делают особенным. Если у мужчины нет денег, не надо говорить, что он неудачник. Никто не имеет права указывать другим. Чем мужчина старше, его надо уважать... А ещё маме не нравится приторный запах. Мама не любит, если мужчина сильно надушился». Последний переход к предпочтениям мамы после «А ещё» показывает, что и первая часть ответа о деньгах и мужчинах также описывает взгляд матери, по мнению Д. Можно предположить, что мама в его глазах словно бы обесценивающе относится к деньгам мужчин или к мужчинам с деньгами. Не в этом ли суть этой воображаемой защиты данного мальчика, когда он идентифицирует себя с очень ценными предметами, которые падают, повреждаются, но защищают? Быть кем-то дорогим – значит увести себя из места мужчины, которого пожелает мать, что может отвечать попытке мальчика реализовать эдипальный запрет. Однако количество «не» заставляет

задуматься и о другом смысле сказанного. То, что дорого и что денежно – и является атрибутом мужского Фаллоса. Тогда разбитые дорогие вещи – это и есть тема кастрации, которую мы прослеживаем всё это время. Но это ещё не кастрация отцовского места, Имени Отца, на основании которой смогут взойти на пьедестал Имена Отца, и это ещё не кастрация женского как встреча с другим полом, а кастрация в детском смысле, кастрация самого субъекта в логике первичного Эдипа: я лишён того, что способно удовлетворить мать, но это есть у других мужчин.

Далее рассказ Д. подтверждает эту гипотезу. Он переходит к теме проведённых выходных и упоминает как будто невзначай, что у мамы есть мужчина по имени Р. В этом месте аналитик подчеркнула, что Д. ранее об этом мужчине не рассказывал. Со слов мальчика, этот мужчина живёт в деревне, а мальчик с мамой приезжает к нему на выходных. Далее он называет конкретный город, который явно не деревня, выдавая своё презрительное отношение к этому месту. Р. – строитель и они с мамой Д. собираются в скором времени пожениться. Аналитику вдруг пришло на ум спросить о том, где же они будут жить. Д. ответил, что, наверное, в Киеве, и продолжил с особой настойчивостью, что как бы ни сложилось, он останется в этой школе, потому что другие ему не нравятся. Аналитик переспросила: «Вы беспокоитесь, что придётся сменить школу?». Мальчик только кивнул в ответ. Вероятно, речь о желании, чтобы все или хотя бы кое-что оставалось таким, как прежде.

Затем он сразу начал рассказывать об игре в гонки, в чётких деталях, например, упоминающая, что максимальная скорость разгона автомобиля в ней 360 км/час. Дальше говорит о каком-то сложном психологическом и физическом испытании. Один человек пожелал, чтобы его закопали в гробу, и он выдержал 7 дней, а другой умер через день. Аналитик спросила: «Как Вы думаете, зачем они это делают?». Мальчик ответил: «Не знаю». Кажется, что этими примерами он пытается сказать, какие запредельно сильные переживания он испытывает в отношении темы мамы и Р., а также того будущего, которое может его ждать после их бракосочетания. Не потому ли он так интенсивно сейчас желает быть ценным, смелым, бросаемым, чтобы гарантировать себе любящую мать, которая обещала ему хорошее будущее в награду за эту его воображаемую идентификацию? Не потому ли он приводит так много примеров своей ревности и пытается в повторении произвести кастрацию-уцеление себя в связи с открывшейся ему правдой, что мать желает мужчину, а значит мать обладает женским телом и желает – то есть имеет нехватку, кастрирована?

Аналитик спросила мальчика о его отношении к маминому мужчине – Р. Он ответил: «Хорошо к нему отношусь» и тут же продолжил: «А ещё, если написать в 3.40 мёртвому человеку на его страницу Вконтакте, то он ответит. И его ответ будет в 522 буквы. Я не верю, что именно столько букв. Я обычно пишу сообщения около 240 букв». Аналитик удивилась: «О! И Вам было бы не страшно переписываться с мёртвым человеком?». Он сказал: «Меня этим не напугать. А ещё я читал «синий кит» и не понимаю зачем убивать детей специально». В ответ на проясняющие вопросы аналитика Д. подробно рассказал, что в «синем ките» (это группа в сети и одновременно некая опасная «игра») подталкивают детей к самоубийству. То, с какой силой аффекта сопровождался этот рассказ, заставляло подумать о тревоге мальчика, будто бы должен выжить только один. Приближение замужества мамы, противоречащее формуле, заданной означившими из детской темы отцовства («ты брошен отцом, а потому очень ценен и единолично любим мамой»), тем самым актуализирует не только вопрос о статусе Д., но и вопрос существования в целом. Мы слышим, каким кажущимся крушением для него видится эта история, словно бы это вопрос жизни и смерти: пожелание смерти маминому мужчине и страх, что этот мужчина пожелает смерти ему самому.

Четвертая сессия состоялась после пропуска в две недели (две сессии) по причине психоаналитика. Об одной сессии Д. был предупреждён заранее, а на вторую аналитик опоздала, потому мальчик ушёл. Из-за такого перерыва было важным прояснить его чувства по поводу произошедшего. Он сказал: «Каждый человек имеет право опоздать». Аналитик произнесла: «Да. Но также Вы в праве были разочлиться. Ведь Вы пришли, а я – нет». Д. ответил, словно бы не об этом эпизоде, а в целом: «Я не злюсь». Его переспросили: «Никогда?». На что он уточнил: «Бывает, но очень редко. Если друзья в шутку надо мной прикалываются, то не злюсь. А если серьёзно, то могу и обидеться, но через неделю-две забываю. У нас с мамой, когда я не слушаюсь, мама может накричать, но через час мы миримся». Иными словами, он отчасти соглашался, что испытал злость, но теперь уверяет, что она уже прошла, поскольку он отходчив. Аналитик продолжила рассуждать вслух, намекая на тему отца: «Я беспокоилась об этом, ведь это могло выглядеть так, будто бы и я Вас бросила». Мальчик ответил: «2 недели – я не обижаюсь, прошёл месяц – я злюсь, 6 месяцев – я злюсь. 2 недели – маленький срок. Целый год – и я не прощаю». Аналитик, приняв решение усилить параллель с отцом, спросила: «Вы не простили бы своего отца?». Он ска-

зал: «Я представляю, какой он сейчас. Я его видел только на фото. Потом мы это фото переложили куда-то и забыли, где оно. Мама говорила, что как-то видела его в метро». На вопрос аналитика о том, как мальчик отреагировал на эту новость, Д. сказал, что хотел бы узнать, помнит ли тот его маму и знает ли самого мальчика. Этот ответ удивлял своей наивностью: ведь каким образом отец, проживший год со своим сыном, мог бы позабыть его и его мать? На проясняющий вопрос мальчику о том, что бы он таким образом хотел получить, тот ответил: «Если узнает – увидит таким, как я есть сейчас. Это будет значить, что он не забыл обо мне совсем». Эта часть сессии позже, после перечитывания записей, наталкивает на мысль о том, что пока мальчик снова и снова в своём воображении бросает себя и повреждается, связь с отцом все время поддерживается, отец у него благодаря этому означившему есть. И тем самым утверждается его место в эдипальной ситуации, его статус субъекта и обретается защита перед новым маминым мужчиной.

Аналитик, используя линию переноса, спросила: «Если бы я уехала на 6 месяцев, Вы бы меня не простили?». Мальчик сказал: «Если бы Вы вернулась, я бы мог простить». Аналитик повторила: «Можно простить того, кто возвращается». Д. ответил, явно продолжая линию об отце: «Если бы он не узнал маму, я бы его не простил. Они прожили 4 года. 26.02 поженились, нет 24.02 вроде». Аналитик снова отметила: «Вы всегда очень внимательны к числам». Мальчик сказал: «Мне не нравится число десятичной дроби – 0,9». В ответ на удивление и интерес аналитика он пояснил: «9 и 0 не нравятся. 0 напоминает овал и голову, голову без тела. 9, если перевернуть, 666 – число дьявола». Он снова вводит тему кастрации тела, реального отсутствия органа, которое страшит его настолько, что он видит их даже в арабских цифрах.

Далее Д. рассказывает, как он прыгал с дамбы в реку. Это было 3 раза с жилетом, и он чувствовал себя безопасно. А потом он прыгнул без жилета и получил ещё больше адреналина. Он рассказывает, что посмотрел фильм ужасов «Пила 8». Говорит о человеке из фильма, который знает все наперёд и устраивает плохим людям испытания. Д. с упоением описывает эти испытания (очень много и с подробностями, как кто отрезал себе ногу, как трескалась голова), рассказывает быстро и без остановки, из-за чего иногда последовательность полностью теряется. Видно, что он возбуждён рассказом. Потом говорит: «Все!» и выдыхает. Этот рассказ, следующий за описанием пугающего числа, указывает, сколько наслаждения сосредоточено в этом представлении: о ком-то дьяволь-

ски жестоком и о ком-то, кого лишают головы или иных конечностей. Решив воспользоваться метафорой данного фильма, аналитик спросила мальчика о его мнении: «Чем эти люди всё это заслужили?». Он принялся разъяснять: «Ну, например, человек что-то сделал, а отсидел только 6 месяцев за убийство. И судью наказывают за то, что он отпустил этого человека. Не нужно обманывать, а надо делать все по-честному». Дальше мальчик опять рассказывает о фильме. Уточняет, что на его съёмки выделили 1200000 долларов. Аналитик спросила его:

– А Вам знаком кто-либо, кто поступил плохо, но избежал наказания?

– Нет.

– Мы вот сегодня говорили обо мне и о Вашем отце.

– Отец не заслужил наказания, он побоялся, что станет отцом первый раз. Вот когда мне будет 27, у меня будет девушка, и она мне скажет, что беременна, я тоже буду бояться. А потом пойму, что это моя кровь.

Он дальше начал говорить о ребёнке в женском роде: «она». Говорил, что «она» вырастет и может стать очень успешной. Аналитик сказала:

– Вы бы не бросили своего ребёнка.

– Ну он испугался отцовства, побоялся ответственности. Он не появляется потому, что думает, что я на него обижен и буду ему высказывать свою обиду. А я бы у него спросил, почему он маму бросил вместе со мной. Если скажет правду, почему он бросил, я смогу простить.

Это первый момент в ходе анализа, когда Д. начал говорить об уходе отца как о чём-то, относящемся в первую очередь к матери. В ключе динамики работы можно говорить о некоем отказе от поддержания идентификации с означающим «меня бросил папа». Постепенно этот субъект выстраивает для себя новую картину отношений. На смену матери-без-нехватки, которая даст ему всё (а значит – у неё есть все, она фаллична) в обмен на его брошенность как идентичность, как фантазм субъекта, приходит мать-с-нехваткой, фаллос которой – у мужчины. Это производит восстановление родительской связи мужчина-женщина в отношении к их ребёнку. Но также мы видим в этом эпизоде тему того, что отец тоже кастрирован – это испуганный отец. И мальчик эту кастрированность, не фалличность отца принимает.

Пятая сессия происходит перед началом большого перерыва на летние каникулы. Мальчик начал сессию с рассказов о ютубе, упоминая большое количество просмотров и большие стоимости клипов. Он снова называет точные числа просмотров и комментирует, что эти люди добились успеха. Его фал-

лос – это большие числа: стоимости, суммы, количества просмотров.

Далее он говорит, как проведёт лето: месяц у бабушки, месяц в детском лагере, месяц у мужчины мамы «в деревне» (мы уже упоминали, что речь идёт о другом городе). И тут же Д. начинает разговор о программировании и о том, что чем более развита электроника, тем легче её взломать хакерам: «Есть такой хакер анонимус, он уже взломал НАТО, ФБР, Дональда Трампа». На вопрос аналитика о том, хотел ли бы он сам взламывать кого-то, как хакер, он ответил, что это слишком рискованно. По сути, он делится здесь своей фантазией о том, как было бы здорово, если бы кто-то маленький мог бы кастрировать большого. Но отказывается от этой идеи, опасаясь наказания. Его эдипальность разворачивается здесь довольно явно, помогая совладать с влечениями.

Ему необходима эта идея как опора, как эдипово обещание и он дальше размышляет, как он смог бы добиться того, чтобы стать программистом, но без моральных терзаний хакерства: «Я стану тем, кто способен кастрировать других, но удержусь от реализации».

Аналитик задала ему вопрос о его отношении к маминному жениху.

– Он смешной, когда злится – глаза открываются.

– Вам смешно вместо того, чтобы испугаться?

– Да. А. (друг мальчика) говорит, что у меня раздвоение личности: бывает меня какая-то страшилка смешит, а иногда страшно.

– Возможно, Вы ревнуете... (аналитик не успевает закончить фразу).

– Нет. Мама нашла своё счастье, и я рад.

В этом клиническом кадре мы видим, как, оставив идеи о кастрации маленького большим, Д. обращается к обесцениванию этого большого – как нарциссической защите от своего желания конкурировать по причине ревности. Дальше он немного рассказал о фильмах, которые выйдут в прокат летом. Аналитик спросила его, что он думает по поводу перерыва в анализе, и Д. сказал, что ему будет много, что рассказать.

Накануне *шестой сессии* после каникул аналитику позвонил сотрудник школы и сообщил, что Д. будет приходить на сеансы позже, поскольку у него теперь больше на один урок, и что по будням он теперь ночует в школе-интернате. Когда сам Д. наконец приходит, то сразу спрашивает, можно ли ему прекратить анализ. Ему предложено это обсудить, но во всех попытках разговора он молчит. После молчания в 20 минут аналитик сказала, что возможно Д. чувствует себя брошенным в новых жизненных условиях и захотел бросить анализ. Он лишь помотал головой. Аналитик про-

изнесла: «Вы часто говорите о ценных вещах, которые бросают, и если анализ был ценен – то стоит подумать, что это может означать» и предложила ему дополнительную встречу для того, чтобы идея прекратить работу была более взвешенной. Д. согласился.

Седьмая сессия началась необычно: Д. привёл его учитель и сказал уже в кабинете: «Я тебе говорила, об этом никто ничего не узнает. Успокойся, садись». Это звучало так, что Д. хочет скрыть посещение психоаналитика от кого-то или хотел бы скрыть что-то от самого психоаналитика. Аналитик сказала ему, что видимо есть что-то, что он хотел бы оставить в тайне. Он согласился. Аналитик сообщила ему о праве Д. делиться только тем, чем он хочет делиться. Он сначала молчит, но затем признаётся, что у него расстройство желудка.

Далее Д. подробно рассказывал о том, что он хочет себе вэйп (электронное устройство для курения). Он называет конкретную стоимость и объясняет, что вэйп ему нужен для трюков, однако мама ему не разрешает эту покупку, потому как она не уверена, что это безвредно. Он продолжает говорить о дорогих вещах, а затем – о своей учительнице, которая просит приносить ей свои рисунки. На этом сессия заканчивается, и он не упоминает своего желания прервать работу. Мы договариваемся о следующей встрече.

Здесь обнаруживается важная перемена в Д.: теперь он уже не желает быть фалличным через атрибуты чего-то дорогого, ценного; он хочет быть именно кем-то фалличным мужским, с атрибутами мужского, которые он сверяет и с тем, чего хотят женщины (включая женщину-аналитика, которая показала, что хочет с ним работать). Так мы обнаруживаем ключевой вопрос субъекта: чего от меня хочет Другой?

Восьмую сессию Д. начинал с признания:

– Я придумал заработок. Раздавать листовки с 14 лет. К сожалению, работать можно только с 14 лет.

– Вы хотели бы уже работать?

– Мама хочет квартиру, а если откладывать, то за 15 лет можно накопить.

– Почему Вы думаете о квартире для мамы? Разве она не собирается жить с Р.?

– Потому, что я хотел бы купить для неё квартиру.

– Чтобы жить там вдвоём?

Д. не ответил. Сперва он немного промолчал и начал рассказывать, работая в какой сфере ему бы удалось заработать на квартиру. Он говорил о том, что мог бы работать инженером или айтишником. Рассуждал, что они хорошо зарабатывают. Потом сказал, что ещё хорошо зарабатывают ютуберы. И приводил примеры блогеров, озвучивая суммы зара-

ботка у того или иного: у одного 23 миллиона подписчиков, и он зарабатывает 45 миллионов долларов.

Аналитик задала ему вопрос:

– То есть Вы хотели бы заработать столько денег, чтобы мама не нуждалась в деньгах другого мужчины и жила с Вами в Вашей квартире?

Он произносит «Да» и надолго замолкает. Аналитик говорит с грустью:

– Ах, если бы сын мог дать матери всё тоже, что и её мужчина...

Д. начинает рассказ о большом воздушном шаре, у которого была очень дорогая камера, который запустили в Польше. Его ответ может быть понят как признание, что он догадывается о роли мужской потенции в том, чего хочет женщина, и эта потенция представлена для него в Воображаемом как подъём чего-то массивного вверх, а в Символическом – как стоимость. В то же время здесь видно, как он пока не готов отказаться от инцестуозного объекта своей любви в пользу других объектов.

На *девятую сессию* он заходит с мобильным телефоном, который сразу же передаёт аналитику. На связи была мать Д. и просила поговорить с ним о вреде курения.

Он сказал, что начал курить, и сразу добавил, что он курит очень дорогие сигареты, назвал их марку.

– Возможно, Вы начали курить, чтобы почувствовать себя взрослым мужчиной, который тратит деньги на дорогие вещи?

– Да. Но вэйп ещё дороже стоит и это не вредно.

Затем он рассказывает, что с ним ещё курит его друг, старше на 2 года, и что этот друг курит марихуану. А простые сигареты курит Р. Д. также рассказал про видео о состоянии лёгких у курильщиков и как вредно курить. Говорил о курящих друзьях, о вреде курения марихуаны, отметив, что он против этого. Далее мы говорили о том, что ещё может дать ему почувствовать себя крутым, но будет подходить ему по возрасту. Д. ответил, что хотел бы ходить на спорт или на кружок по айти, рассказывал о кружке, где учат делать роботов.

Теперь он ищет новых Других из числа старших и сверяет себя с ними, размышляет о том, что такое хорошо, а что – плохо, не опираясь на готовые мнения мамы или друзей, а ищет ответы сам, критически оценивая факты реальности. Но мы ещё видим следы соперничества с мужчиной мамы за то, кто курит более дорогие сигареты.

На *десятой сессии* он говорит в самом начале:

– Я на каникулах был у бабушки и бросил курить.

На мою заинтересованность этим событием он далее продолжил:

– Видел историю, когда пацан попросил у мужика сигарету, а у него было пол пачки, но он отдал ему все, потому что сказал, что бросает, потому, что это не экономно.

– Вы подумали, что это и правда не экономно?

– Теперь я буду копить.

– На что-то конкретное?

– На пауэрбанк, подзаряжать телефон. Или на колонку музыку слушать. И на зажигалку zipro, чтобы делать трюки.

Далее он рассказывал об этих трюках и о предстоящей поездке с классом на фабрику Кока-колы и что нужно сдать 150 грн на автобус.

Это сессия, где Д., следуя примеру мужчины из рассказа, то есть используя его как частичную идентификацию, производит свой отказ от необходимости обладать тем, что сверхценно, дорого, связано с исчислениями в тысячи и миллионы. Он смог отбросить эти лишние «ноли», то есть органы тела, как мы уже отмечали ранее, и, выдерживая эту кастрацию, уже не мечтает о чём-то идеализированном, грандиозном, а формирует для себя реалистичные цели и желания. Теперь в его речи он – просто школьник, который строит планы с другими ребятами и хочет обрести вполне конструктивные вещи.

Именно так, в терминах Лакана, происходит смена воображаемого фаллоса на фаллос символический. Раньше он полагал, что фаллос – это деньги, но затем обнаружил, что мать полюбила небогатого мужчину. Затем он пытался провести идентификацию с этим мужчиной, начав курить сигареты, но при этом более дорогие. Примечательно, что ему было важно дать понять матери, что он курит. И лишь впоследствии он принимает, что мать желает в том мужчине что-то другое. Тогда он демонтирует это воображаемое представление о фаллосе и создаёт множество других, новых желаний, связанных с тем, чего он хочет для себя.

Выводы. В рассмотренном нами клиническом случае в краткие сроки показана та интенсивность и динамика переживаний и преобразований, которые характерны для подростковой в целом и для частной субъективной истории. Мы видим как, вступая в пубертат, Д. переживает целый ряд впечатлений: испытывает кастрационную тревогу и формирует защитные фантазии от неё; отрицает, но затем обнаруживает с ревностью, женскую нехватку и желание; испытывает напор собственных влечений и тоску по возврату в детское время; переживает эдипальную опасность перед кастрирующим соперником – мужчиной матери; восстанавливает картину того, что такое родительство и родительская пара в отношении их ребёнка; изобретает собственное представление о Фаллосе как о больших числах; фантазирует

о том, как маленький мог бы кастрировать большого, но останавливает себя, опираясь на закон; обесценивает того, кто обладает воображаемым фаллосом, устанавливая значение фаллоса символического, что отражает свержение Имени отца ради множества Имен отца; задаётся вопросом, чего хочет женщина, и пытается предложить ей свои ответы; поддерживает эдиповы надежды на то, что обретёт фаллос в будущем и сможет удовлетворить мать; идентифицируясь с другим мужчиной, принимает свою кастрацию в собственном воображаемом представлении о фаллосе; создаёт множество других, частичных желаний, означающих фаллос и вполне доступных для реализации.

Примечательно, что подросток для изобретения этих ответов и внутренней работы над вопросами подростковой использует много «пугающих» тем: повреждения, взломы, садизм и расчленения, смерть, курение и наркотики. Однако именно эти темы как нельзя лучше позволяют символизировать ужас телесности и отчаяние собственной и родительской кастрированности в этот период. Обращение к этим темам позволяет ментализировать, осмыслить, представлять то, что изначально невысказано, сверхтелесно. Психоаналитик, исходя из этики поддержания изобретений самого субъекта, не предлагает другие находки, а напротив – поддерживает субъекта в обращении к себе с вопросом о том, какое желание и какой интерес его заботит.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Atzil-Slonim D. Psychodynamic psychotherapy for adolescents. *Contemporary Psychodynamic Psychotherapy*. Academic Press. 2019. Pp. 253–266.
2. Blos P. *The Adolescent Passage*. New York, 1979.
3. Brady M. Braving the erotic field in the treatment of adolescents. *Journal of Child Psychotherapy*. 2018. DOI: 10.1080/0075417X.2018.1414291.
4. Druzhinenko D. Le Père “impuissant” et l’objet a “impossible”: impasses adolescentes dans le lien social actuel. Dissertation. 2012.
5. Eissler K.R. Notes on Problems of Technique in the Psychoanalytic Treatment of Adolescents. *The Psychoanalytic Study of the Child*. 1958. No. 13:1. Pp. 223–254. DOI: 10.1080/00797308.1958.11823181.
6. Fonagy P., Target M. The efficacy of psychoanalysis for children with disruptive disorders. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 1994. No. 33(1). Pp. 45–55.
7. Gulina M.A. Hypostases and Transformations of the Concept of the Father in Psychoanalysis. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*. 2018. Vol. 26, Issue 1, pp. 129–145. DOI: 10.17759/cpp.2018260109. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Hartmann D. A Study of Drug-Taking Adolescents. *The Psychoanalytic Study of the Child*. 1969. No. 24:1, pp. 384–398. DOI: 10.1080/00797308.1969.11822700.

9. Lacan J. Le mythe individuel du névrosé: poésie et vérité dans la névrosé. *Ornicar*. 1953.
10. Lacan J. Le symbolique, l'imaginaire et le réel. 1953.
11. Lacan J. Les complexes familiaux en pathologie. Editions des Grandes-Têtes-Molles de notre époque. 1938.
12. Lacan J. The ethics of psychoanalysis 1959–1960: The seminar of Jacques Lacan. Routledge. 2013.
13. Lesourd S. Adolescences... Rencontre du féminin. Érès. 2002.
14. Lesourd S. Comment taire le sujet? Érès. 2012.
15. Lesourd S. La construction adolescente. Érès. 2013.
16. Lesourd S. La construction différentielle du sujet. *Comment taire le sujet? Des discours aux parlottes libérales*, sous la direction de Lesourd Serge. Toulouse, ERES, "Humus – subjectivité et lien social". 2006. Pp. 52–56.
17. Marty F. Le dévoilement du génital. Le génital et la puberté dans l'œuvre de S. Freud. *Actualités psychopathologiques de l'adolescence*, De Boeck Supérieur "Oxalis". 2009. Pp. 31–44.
18. Ouvry O. Des théories sexuelles infantiles à la sexualité adulte. *De l'infantile au juvénile*, ERES "Le Bachelier". 2006. Pp. 49–64.
19. Podolskiy A.I., Druzhinenko D.A., Podolskiy O.A., & Schmoll P. Using videogames to treat childhood obesity. *Psychology in Russia*. 2014. № 7(4), pp. 51–64. DOI: 10.11621/pir.2014.0405.
20. Rice T., Derish N., & Hoffman L. Child and Adolescent Psychoanalysis as Contemporary Psychotherapy: Insights From a Semistructured Interview of Practitioners. *American journal of psychotherapy*. 2018. No. 71(2). Pp. 65–69.
21. Smaller M.D. Psychoanalysis and the forward edge hit the streets: The Analytic Service to Adolescents Program (ASAP). *Psychoanalytic Inquiry*. 2012. No. 32(2). Pp. 136–146.
22. Streek-Fischer A. Entwicklungslinien der Adoleszenz. Narzissmus und Uebergangdsphaenomene. *Psyche*. 1994. Issue 9. Pp. 509–528.
23. Vinocur Fischbein S. Psychoanalysis and virtual reality. *The International Journal of Psychoanalysis*. 2010. No. 91:4. Pp. 985–988. DOI: 10.1111/j.1745-8315.2010.00300.x.
24. Zachrisson A. Analytic work with adolescents. *The Scandinavian Psychoanalytic Review*, 2006. No. 29:2. Pp. 106–114. DOI: 10.1080/01062301.2006.10592789.
25. Васильева Н.Л. Психоаналитический подход в системе психологического сопровождения развития детей и подростков : автореф. дисс. ... д. психол. наук. СПбГУ. 2007.
26. Великодна М.С. Психодіагностика ставлення підлітків до ризикованої поведінки: модифікація колірною тесту ставлень. *Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Психологічні науки»*. Вип. 1, Т. 2. С. 17–22.
27. Великодна М.С. Теоретичні погляди на особистісну зрілість у психоаналітичних теоріях. *Особистісна зрілість як проблема сучасної психології : колективна монографія*. Кривий Ріг : КДПУ, 2019. С. 52–58.
28. Великодная М.С. Тело как залог Другому. *XIX Семинар Фрейдова поля в Украине «Ребёнок-объект, ребёнок-субъект»* (20–21 апреля 2013, Симферополь, АР Крым). С. 87–94.
29. Великодная М.С., Эделева Е.И. Проблематика подростковой психологии в психоанализе: теория, техника и этика практической работы. *Габитус*, 2020. Вип. 12. [In press].
30. Вертманн А. Психоанализ подростков. *Консультативная психология и психотерапия*. 1999. Том 7. № 3. С. 133–154.
31. Дольто Ф. На стороне подростка. Litres. 2017.
32. Лакан Ж. Заметка о ребёнке. *Международный психоаналитический журнал*. № 2. С. 59–62.
33. Лакан Ж. Значение фаллоса. *Международный психоаналитический журнал*. С. 7–20.
34. Лакан Ж. О вопросе, предваряющем любой возможный подход к работе с психозом. *Международный психоаналитический журнал*. № 2. С. 7–58.
35. Моргенштерн С. Детский психоанализ: Структура личности. Характерология. Клиническая практика. Киев : «МИГП». 2015.
36. Фрейд З. Сексуальная жизнь. Москва : изд-во ООО «Фирма СТД». 2006.
37. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. Москва : Просвещение. 1990.